

Н. Касановъ.

ДРЕВНЕЕ ЯЗЫЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
О СТРАНСТВОВАНІЯХЪ И ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ ДУШЪ
И СЛѢДЫ ЕГО ВЪ ПЕРВЫЕ ВѢКА ХРИСТИАНСТВА

Исследование
✓
П. Милославскаго.

КАЗАНЬ.
въ типографіи университета
1873.

PRINTED IN RUSSIA.

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

129.4
M637

Отдельный оттиск изъ «Православнаго Собесѣдника» 1873.

ALBANY CO
UTAH
1873

Въ научно-философскихъ изслѣдованіяхъ человѣческій духъ составляетъ важнѣйшій предметъ, и вниманіе, возбужденное въ человѣкѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ проявленіями его духовной жизни не только не ослабѣваетъ, а напротивъ увеличивается съ каждымъ шагомъ впередъ человѣческой мысли и науки до настоящаго времени. Настоящее время съ этой стороны имѣетъ предъ прошедшимъ в. важныя преимущества. Современная наука о духѣ въ своихъ изслѣдованіяхъ не довольствуется только той суммой психическихъ фактовъ и явленій, какую даетъ для нея индивидуальная жизнь человѣка, а захватываетъ психическую жизнь цѣлыхъ обществъ и цѣлыхъ народовъ на разнообразнѣйшихъ ступеняхъ развитія и въ различныя времена и такимъ образомъ вводитъ въ обширную область современной антропологии всю исторію развитія человѣческаго духа, всю исторію его самосознанія. Но подобныя изслѣдованія не для одной антропологии имѣютъ величайшую важность; они не менѣе важны въ области наукъ богословскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, истина бытія души человѣческой имѣетъ тѣснѣйшую связь съ истинною бытіемъ Божіемъ, а потому и вмѣстѣ съ тѣмъ съ коренными началами истинно-христіанской вѣры и жизни ⁽¹⁾. Вслѣдствіе этого всѣ историческіе факты

⁽¹⁾ Г. Струве. Самостоятельное начало душевныхъ явленій. 1870. стр. 5—9.

развитія человеческого духа заслуживаютъ полного и глубочайшаго вниманія и тщательнаго изученія со стороны всякаго истиннаго богослова. Съ особенною очевидностью и особенно важно съ богословскою стороны научнымъ и точнымъ образомъ выяснить тѣ многочисленные и глубокие по содержанію и внутреннему смыслу факты въ исторіи человеческого самосознанія, которые касаются религіозныхъ вѣрованій и потребностей человѣка, и его религіозно-нравственныхъ воззрѣній и требованій. Извѣстно, что религіозно-нравственныя идеи существовали и развивались въ жизни всѣхъ людей и всѣхъ временъ. Множество относящихся сюда историческихъ данныхъ со всею ясностью показываютъ, какъ, не смотря на грѣховное омраченіе человеческого души, въ человѣкѣ раскрывались внутреннѣйшія и существеннѣйшія потребности его души, выходящія изъ его духовно-нравственной природы, созданной по образу Божію и подобію. Въ развитіи религіозно-нравственныхъ идей и стремленій въ человечествѣ для безпристрастнаго антрополога и философствующаго богослова обнаруживаются не случайныя, исключительно-возникающія изъ чувственныхъ воспріятій формы духовно-нравственной жизни, а заложенныя въ самой природѣ человѣка завѣтныя стремленія къ Богу, въ міръ горній и надежды на безсмертіе и лучшую участь въ жизни загробной.

Съ указанной богословскою точки зрѣнія наиболѣе глубокий интересъ представляютъ человѣческія вѣрованія и представленія о душѣ, ея происхожденіи, отношеніи къ Богу и міру, о будущей судьбѣ ея за предѣлами земной жизни. Эти вѣрованія и представленія постепенно переходили изъ отдаленнѣйшихъ временъ, теряющихся въ непроницаемомъ туманѣ доисторическихъ преданій, въ позднѣйшія религіозно-философскія системы древняго языческаго міра и чрезъ цѣлые ряды поколѣній во многомъ унаслѣдо-

ваны наукою и мыслию даже настоящаго времени. Ближайшимъ образомъ вниманіе испытующаго богослова и философа останавливаетъ повсюду находимая и ясно выраженная идея безсмертія человѣческой души, потому что въ этой идеѣ яснѣ всего выразилось сознаніе сродства души съ ея вѣчнымъ Творцомъ. На этой идеѣ основывается и въ ней коренится все древнѣйшее и новѣйшее религіозно-философское міросозерцаніе. Но, между тѣмъ какъ идея безсмертія является всеобщимъ и въ своей сущности постояннымъ фактомъ въ исторіи человѣческаго развитія, формы безсмертія или загробнаго существованія души въ различные времена и на различныхъ ступеняхъ развитія представлялись весьма различно. Коренная и чистая идея безсмертія души обставлялась въ человѣческомъ сознаніи образами фантазіи, затемнялась тѣми формами мышленія и представленія, которыя непосредственно вытекали изъ чувственнаго опыта и воспріятія, такъ что безъ вѣста божественнаго откровенія безсмертіе души было довольно смутнымъ и неопредѣленнымъ, хотя и твердымъ убѣжденіемъ древняго дохристіанскаго міра и не могло быть вполне выяснено даже такими сильными умами, какъ Платонъ.

Ни одинъ феноменъ не могъ сильнѣе поражать человѣка, или глубже и могущественнѣе подѣйствовать на его разумъ и воображеніе, какъ смерть. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлается съ человѣкомъ послѣ смерти? Если полного уничтоженія по смерти не могъ и не желалъ представить себѣ ни одинъ даже самый неразвитый дикарь, то куда поступала та часть человѣка, по которой онъ безсмертенъ? Этотъ тревожный вопросъ мотивировалъ происхожденіе всего такъ называемаго культа мертвыхъ. Всѣ погребальныя обычаи и церемоніи, во множествѣ существовавшіе и существующіе у каждаго народа древнихъ и новыхъ временъ, въ болѣе или менѣе ясныхъ чертахъ выражаютъ вѣрованія и представленія, гаданія и чаянія человѣка о своей будущей судьбѣ за гробомъ. Рѣшеніе этого же

вопроса было постояннымъ предметомъ религіозно-философскихъ міросозерпаній отъ древнѣйшихъ незапамятныхъ временъ. Само собою разумѣется, что на низшихъ и древнѣйшихъ ступеняхъ развитія человѣкъ еще не зналъ, куда помѣстить души умершихъ, и по его представленію, о каковомъ мы судимъ по представленіямъ современныхъ дикарей, эти души въ неопредѣленной, воздухообразной формѣ блуждали около своихъ покинутыхъ жилищъ и становились демоническими существами. Мало по малу мысль и воображеніе создавали болѣе или менѣе опредѣленные мѣста для жилищъ отшедшихъ душъ, которыя вообще носятъ названія—„страны, поля душъ, острова блаженныхъ“ и т. п. Далѣе изъ идеи добра и зла, справедливости и воздаянія за то и другое, эти мѣста обыкновенно раздѣлялись на двѣ главныхъ области, типическій характеръ которыхъ имѣетъ болѣе или менѣе отдаленное сходство съ представленіями о раѣ и адѣ ⁽¹⁾. Не смотря однако на опредѣленность загробнаго мѣстопробыванія отшедшихъ душъ, ихъ жизнь все-таки представлялась въ высшей степени смутно и неясно; онѣ продолжали оставаться въ видѣ безцѣльно существующихъ и блуждающихъ тѣней, какъ это особенно ясно выражается въ воззрѣніяхъ Гомера ⁽²⁾. Для нехристіанскаго сознанія навсегда оставалась чуждой полная и живая форма личнаго безсмертія, и потому, какъ скоро вопросъ о загробной жизни души изъ области религіи переходилъ въ область философіи, эта послѣдняя не находила лучшаго исхода для души, какъ сліяніе ея съ самимъ Божествомъ, или съ міровымъ духомъ, при чемъ конечно не могло быть и рѣчи о личности, или индивидуальности ея послѣ смерти человѣка.

⁽¹⁾ W. Alger, A critical History of the Doctrine of a future Life, p. 68 и сл. Ср. Parallèles des religions, t. I, p. 1-ère, pp. 599, 725, 745 и вообще весьма многія мѣста, гдѣ говорится о представленіяхъ разныхъ народовъ о загробной жизни.

⁽²⁾ Одисс. X, 494—495; XI, 475. Илиада, XVI, 855.

Но, вмѣстѣ съ этими довольно неопредѣленными представленіями объ общей и конечной загробной участи человѣческой души, въ исторіи развитія человѣческаго самосознанія мы встрѣчаемся съ одною опредѣленною и замѣчательно выраженною формою ея безсмертія, именно, съ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ, которое притомъ является одною изъ первыхъ и наиболѣе распространенныхъ ⁽¹⁾ формъ въ представленіяхъ о загробной жизни у разныхъ народовъ древняго и новаго и даже современнаго ⁽²⁾ міра, какъ это мы увидимъ далѣе въ надлежащей подробности. Подъ именемъ душепереселенія или метемпсихозиса (*μετεμψυχωσις*) разумѣется вѣрованіе и ученіе, по которому душа послѣ своего разлученія съ тѣломъ продолжаетъ свое существованіе въ болѣе или менѣе длинномъ рядѣ странствованій и переселеній или на землѣ, или подъ землею, или наконецъ надъ землею. Въ первомъ случаѣ, т. е. въ своихъ странствованіяхъ на землѣ, душа, по этому вѣрованію и ученію, переселяется въ тѣла другихъ людей, въ животныхъ, въ растенія и даже въ неодушевленные предметы. Во второмъ случаѣ, т. е. въ странствованіяхъ подъ землею, душа, имѣя нѣкотораго рода матеріальное сложеніе, переходитъ различныя области подземнаго міра и оттуда, смотря по своему нравственному достоинству, начинается странствованіе третьяго рода, въ которомъ она, по мѣрѣ своего восхожденія изъ низшихъ сферъ въ высшія области звѣзднаго и эфирнаго пространства, сбрасываетъ съ себя всѣ матеріальные элементы, и такимъ образомъ

⁽¹⁾ W. Alger, op. c. p. 475.—Panthéon Littéraire. Lettres édifiantes et curieuses, concernant l'Asie, l'Afrique et l'Amérique, publiées par Aimé-Martin, t. II, p. 464—465.

⁽²⁾ Изъ милліарда приблизительно всѣхъ людей, населяющихъ земной шаръ, по увѣренію профессора Уильсона, 650 милліоновъ человѣкъ раздѣляютъ вѣрованіе въ душепереселеніе. Wilson, Two lectures on the religious Opinions of the Hindus, p. 64, у Alger'a op. c. p. 475.

очищаясь отъ зла, имманентнаго—по древнимъ представленіямъ—матеріи (*ύλη*), востекаетъ въ міръ горній, гдѣ въ вѣчномъ и незаходимомъ свѣтѣ бытія, совершенства и всеблаженной жизни царствуетъ высочайшее Божество, высочайшій Разумъ, мировой и премірный Духъ, съ которымъ душа и сливается, какъ-бы совершенно исчезая въ невѣдомыхъ пространствахъ и недосигаемыхъ глубинахъ бытія ⁽¹⁾. Всѣ указанные виды душепереселенія въ кругу тѣхъ міросозерцаній, въ которыхъ ученіе о немъ имѣло мѣсто, за исключеніемъ некультурныхъ народовъ, большею частію встрѣчаются всѣ вмѣстѣ во взаимной связи и происходятъ послѣдовательно одинъ за другимъ, при чемъ однако конечнымъ предѣломъ и конечною цѣлью всѣхъ странствованій и переселеній души всегда остается небо, міръ горній, безконечное лоно Безконечнаго.

Изъ этого очерка существеннаго содержанія вѣрованія и ученія о душепереселеніи вытекаетъ надлежащее представленіе о степени философско-богословскаго значенія занимающаго насъ предмета. Въ вѣрованіи и ученіи о душепереселеніи выражался духъ, характеръ и степень глубины цѣлыхъ философскихъ системъ и религіозныхъ міросозерцаній. Прежде чѣмъ допустить и увѣровать въ переселеніе души, люди должны были уже болѣе или менѣе ясно сознать различіе души отъ тѣла. Съ этого первоначальнаго пункта началось развитіе всѣхъ религіозныхъ и философскихъ представленій о душѣ, въ которыхъ человѣкъ старался уяснить для себя свое собственное бытіе и свое

⁽¹⁾ Нѣкоторые называютъ метемпсихозисомъ только тотъ родъ душепереселенія, въ которомъ душа не переходитъ въ другія тѣла, а только устремляется въ горній міръ къ слиянію съ Божествомъ, въ отличіе отъ метенаситосиса (*μετενασίστος*), въ которомъ душа, смотря по своимъ нравственнымъ качествамъ, переходитъ въ тѣла растений и животныхъ. — См. Böhlen, Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten, B. I, S. 172. Creuzer, Symbolik und Mythologie, B. I, S. 137.

отношеніе къ внѣшнему міру. Но, между тѣмъ какъ человѣкъ созналъ противоположность духовнаго и матеріальнаго, души и тѣла, для него въ тоже время стало ясно, что его духъ вовсе не то, что онъ замѣчалъ въ предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра, что отечество духа не здѣсь, на землѣ, гдѣ все переходитъ, тлѣетъ и измѣняется, а гдѣ-то въ горнемъ мірѣ, который человѣкъ напрасно отыскивалъ и не могъ найти безъ свѣта божественнаго откровенія и безъ открытія къ нему истиннаго пути божественнымъ Искупителемъ. Въ глубинѣ своей религіозно-философской мысли и религіозно-нравственнаго чувства человѣкъ находилъ живую потребность разорвать послѣ смерти тлѣнной и быстро разлагающейся тѣлесной оболочки всякую связь между ея недостатками, слабостями и вообще зломъ, присущимъ матеріи и между духомъ, высокое достоинство и назначеніе котораго человѣкъ всегда вольно и невольно чувствовалъ, сознавалъ и выражалъ съ непобѣдимой силою въ стремленіяхъ къ лучшей участи за гробомъ, даже къ сліянію съ самимъ Божествомъ. Но какъ скоро человѣкъ созналъ высшее достоинство и назначеніе своего духа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно уразумѣлъ, что и Божество, которое онъ старался приблизить къ себѣ въ формахъ фетишей, или въ формахъ человѣкообразныхъ, хотя и присутствуетъ въ мірѣ Своею присносущною силою, тѣмъ не менѣе не обнимается ни природой, ни человекомъ, а стоитъ превыше всего, какъ Духъ высочайшій, премірный, источникъ жизни и свѣтоподатель, и душа человека оказалась даже въ языческомъ сознаніи образомъ и подобіемъ, частицею, искрою Божества. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ вопросомъ объ отношеніи человека къ міру, совместно и современно, возникалъ религіозно-философскій вопросъ объ отношеніи человека къ Богу во время его земной жизни и по смерти. Однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ постановкѣ и рѣшеніи этого вопроса въ древнемъ языческомъ мірѣ опять является вѣрованіе и ученіе о душепере-

селеніи, которое отсюда получает глубокое богословское значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, строго-научное и чуждое предвзятыхъ мыслей изслѣдованіе религіозной жизни и міросозерцанія древняго языческаго міра доставляетъ неопровержимыя историческія доказательства той великой истины, что до пришествія въ міръ Христа Спасителя человѣчество въ теченіе многихъ вѣковъ своего развитія рѣшало всѣ великіе вопросы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, но не рѣшило удовлетворительно ни одного изъ нихъ и, сознавши свое безсиліе, пребывало во тьмѣ и сѣни смертной, ожидая Того, который составлялъ чаяніе всѣхъ народовъ и былъ свѣтомъ въ откровеніе всѣхъ языковъ. Такое изслѣдованіе открываетъ для богословской науки драгоценнѣйшія данныя для апологетическаго раскрытія величайшихъ истинъ святой вѣры предъ лицомъ всѣхъ скептиковъ и раціоналистовъ нашего времени. Съ этой стороны ученіе о душепереселеніи, состоящее въ тѣснѣйшей связи не только съ идеей безсмертія, но и со всею суммою религіозно-философскихъ идей древняго міра, заслуживаетъ преимущественнаго вниманія, что было выражено еще въ концѣ прошлаго столѣтія К. Флюгге въ его программѣ изученія исторіи религій и въ „Geschichte des Glaubens an Unsterblichkeit, Auferstehung, Gericht und Vergeltung“ (Leipzig, 1794 и 95 ⁽¹⁾).

Наконецъ изъ глубины исторіи философское значеніе ученія о душепереселеніи простирается даже до современной философіи духа. Въ вѣрованіи и ученіи о душепереселеніи человѣкъ во всей природѣ видѣлъ присутствіе духа, присутствіе самого Божества, которое разливается повсюду и проникаетъ все, и такимъ образомъ душепереселеніе служило выраженіемъ иде-

(¹) См. Beiträge zur Philosophie und Geschichte der Religion und Sittenlehre, herausgeg. v. Stäudlin, 1797, Lübeck, B. II, 89.

ально-пантеистическаго міросозерпанія. Въ томъ, что человѣкъ въ разнообразіи природы видѣлъ единое, развивающееся въ непрерывномъ круговращеніи и измѣненіи въ многообразіе формъ, заключалась непосредственная истина, истина постоянного измѣненія, свойственнаго міру конечныхъ вещей, и единства силъ природы. Но эта же истина является однимъ изъ важнѣйшихъ выводовъ современнаго естествознанія, только съ тою разницею, что, между тѣмъ какъ идеально-пантеистическое міросозерпаніе всякое измѣненіе въ мірѣ приписывало міровому Духу, матеріально-пантеистическое, или вѣрнѣе пандинамическое міросозерпаніе настоящаго времени въ ученіи о круговращеніи матеріи и жизни (*Kreislauf des Lebens*) и переходѣ формъ ея одной въ другую всякое измѣненіе въ мірѣ приписываетъ исключительно простому веществу, отрицая присутствіе въ мірѣ міроправительствующаго Духа и въ человѣкѣ разумно-нравственной души. Въ этомъ соотношеніи двухъ отдаленныхъ вѣками доктринъ для всякаго мыслящаго человѣка открывается закономерное историческое теченіе человѣческой мысли въ таинственномъ кругу около однихъ и тѣхъ же центральныхъ пунктовъ, въ концѣ всего остающихся внѣ свѣта божественнаго откровенія недостижимыми для человѣческаго повиманія, — именно, духа и матеріи въ ихъ сущности. Съ другой стороны ученіе о душепереселеніи въ новой формѣ возродилось у спиритовъ, которые въ своихъ попыткахъ устранить преграду, лежащую между чувственнымъ и сверхчувственнымъ міромъ воскресили вѣрованія и ученія глубочайшей древности, когда человѣкъ, подавляемый скептицизмомъ, въ умственномъ и нравственномъ разслабленіи, усиливался при помощи магическихъ и теургическихъ средствъ достигнуть еще при жизни полнаго освобожденія своей души отъ тѣлесныхъ узъ и такимъ образомъ сдѣлаться способнымъ къ непосредственному ощущенію и созерпанію истины въ мірѣ сверхчувственномъ, духов-

номъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ научное изслѣдованіе древняго ученія о душепереселеніи, помимо своего спеціального философскаго и богословскаго значенія, вызывается даже современными потребностями жизни, выходящими изъ общественнаго сознанія и настроенія относительно важнѣйшихъ вопросовъ науки и глубочайшихъ истинъ вѣры ⁽²⁾. Конечно, граница, отдѣляющая древнее языческое ученіе о душепереселеніи отъ современнаго ученія о круговращеніи матеріальныхъ формъ, или отъ спиритскихъ идей, велика, тѣмъ не менѣе, если душепереселеніе не существуетъ въ настоящее время какъ опредѣленное религіозно-философское ученіе, въ человечествѣ остается его идея, съ одной стороны въ матеріализмѣ, какъ аналогическое съ древнимъ обобщеніе динамическихъ измѣненій матеріальныхъ формъ, а съ другой стороны—въ спиритизмѣ, какъ аналогическое съ древнимъ рѣшеніе вопроса объ отношеніи души къ тѣлу.

Принимая ученіе о душепереселеніи за одно изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій человѣческой мысли въ древнемъ языческомъ мірѣ, мы прослѣдимъ его исторически и, при помощи возможной для нашихъ средствъ критики всѣхъ относящихся къ предмету данныхъ, постараемся уяснить себѣ его развитіе, существованіе и значеніе и указать тѣ историческіе пути, по которымъ это ученіе въ порядкѣ временъ переходило изъ одного вѣка въ другой, а можетъ быть и отъ одного народа къ другому, и какъ наконецъ потеряло свою силу и значеніе, оставаясь достояніемъ только некультурныхъ

⁽¹⁾ Спиритская доктрина напр. во многихъ пунктахъ такъ близко подходитъ къ вѣрованіямъ и представленіямъ индѣйцевъ, что представляется ихъ точной копіей въ самыхъ поразительныхъ подробностяхъ, какъ это можно видѣть у Виндишмана въ его «Philosophie im Fortgang der Weltgeschichte».

⁽²⁾ Въ одномъ изъ русскихъ духовныхъ журналовъ даже былъ напечатанъ однажды отвѣтъ на письмо одной дамы о душепереселеніи.—Духовный Вѣстникъ, 1867, апрѣль.

народовъ современнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, когда свѣтъ вѣры Христовой озарилъ темную область потусторонняго человѣческаго бытія, ученіе о душепереселеніи стало исчезать изъ круга человѣческаго сознанія. Хотя оно перешло, какъ наслѣдіе восточныхъ религій и греческой философіи, въ гностическія христіанскія системы и допущено даже однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учителей церкви—Оригеномъ, но затѣмъ слѣды его уже теряются, и только изрѣдка въ неясныхъ образахъ душепереселеніе является смутнымъ, мистическимъ предетавленіемъ въ мистико-пантеистическихъ системахъ средневѣковыхъ мыслителей, какъ напр. у Скотта Эригены, Парацельса и нѣкоторыхъ другихъ.

Само собою и ближайшимъ образомъ изъ предшествовавшихъ соображеній очевидно, что вѣрованіе и ученіе о душепереселеніи находилось въ тѣснѣйшей внутренней связи со всѣмъ кругомъ религіозно-философскаго міросозерцанія того или другаго народа. Поэтому научное изслѣдованіе этого ученія по существенной необходимости захватываетъ факты, относящіеся къ религіозному человѣческому сознанію въ его непосредственной сущности. Душепереселеніе не было философски-отвлеченной идеей, есotericскимъ достояніемъ немногихъ избранныхъ; оно было религіозно-живымъ вѣрованіемъ массъ. Философія только стремилась утвердить анализомъ и авторитетомъ науки то, что представляло вѣрованіе и авторитетъ религіи. Въ этомъ положеніи между религіей и философией ученіе о душепереселеніи является въ древнемъ языческомъ мірѣ не случайнымъ и поверхностнымъ, не частнымъ и единоличнымъ заблужденіемъ человѣческаго ума, а имѣетъ въ своемъ основаніи болѣе глубокія начала и побужденія и болѣе заманчивыя условія для того, чтобы оно такъ долго держалось въ умахъ многихъ людей и занимало вниманіе самыхъ глубокихъ мыслителей, какъ-вы Платонъ и Оригенъ. Нужно при этомъ замѣтить, что вѣрованіе и ученіе о душепереселеніи принималось

не въ силу разсудочныхъ доказательствъ и діалектически-тонкихъ измышленій, а непосредственно усвоилось сердцемъ; оно овладѣвало всѣмъ духовнымъ существомъ человѣка не какъ частный философскій выводъ, а какъ всепроникающая идея его религіозно-философскихъ воззрѣній на природу своей собственной души и на ея отношенія къ Божеству и внѣшнему міру. Въ этой идеѣ о переселеніи своей души человѣкъ лелѣялъ увлекательную мечту, представлявшую исходъ для его завѣтныхъ стремленій къ вѣчной жизни въ Богѣ и къ блаженству, чуждому всякаго нравственнаго и физическаго зла и несовершенства.

Однако вѣрованіе и ученіе о душепереселеніи представляетъ загробную участь человѣческой души не такъ, чтобы тотчасъ, или вскорѣ послѣ смерти она вступала въ какое нибудь болѣе или менѣе постоянное и неизмѣнное состояніе, а въ видѣ цѣлостнаго процесса, направленнаго къ дальнѣйшимъ цѣлямъ загробнаго бытія души. Эта самая сторона въ ученіи о душепереселеніи указываетъ идею, которая предначертываетъ путь для историческаго изслѣдованія его. Религія и философія древняго языческаго міра употребляла всевозможныя усилія, чтобы выяснитъ отношеніе конечнаго къ безконечному, матеріальнаго къ духовному, человѣка къ Божеству, открыть для перваго путь приближенія къ послѣднему и такимъ образомъ успокоить душевную тревогу язычествующаго человѣчества, которое въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей искало истиннаго Бога, жаждало примиренія и единенія съ Нимъ, но не знало и не имѣло къ тому ни настоящихъ путей, ни средствъ. Ученіе о душепереселеніи именно и было историческимъ выраженіемъ того, какъ отъ древнѣйшихъ временъ человѣчeskій умъ былъ изобрѣтателемъ относительно тайнъ, доступныхъ человѣку не иначе, какъ только путемъ божественнаго откровенія, и какъ человѣкъ старался своими собственными усиліями отыскать пути и средства къ примиренію съ Богомъ и къ достиженію въ Немъ вѣчнаго блаженства для своей безсмертной души.

Путь исторической критики, которымъ мы намѣрены идти въ предпринимаемомъ изслѣдованіи, помимо всѣхъ частныхъ его преимуществъ, обусловливаемыхъ самымъ свойствомъ нашего предмета, имѣющаго по преимуществу историческій характеръ и значеніе, имѣетъ высокое общенаучное достоинство. Все, что возникаетъ живетъ и исчезаетъ въ мірѣ духа и матеріи, имѣетъ свою исторію. Каждый предметъ, или явленіе въ исторіи своего существованія, какъ въ послѣдовательномъ рядѣ измѣненій, обнаруживается съ доступныхъ своихъ сторонъ не въ одинъ какой нибудь данный моментъ своего бытія, а отъ начала до конца его, въ цѣломъ рядѣ причинно-связанныхъ переходовъ изъ одной формы въ другую. Потому историческое изслѣдованіе, раскрывая послѣдовательную связь и спѣленіе причинъ со слѣдствіями въ процессѣ существованія даннаго предмета, или явленія, доставляетъ изслѣдователю или наблюдателю наиболѣе полную сумму данныхъ, которыя открываютъ возможность приблизить къ пониманію сущность изучаемаго факта. Въ силу такого научнаго значенія историческаго метода изслѣдованія онъ и находитъ въ настоящее время самое обширное примѣненіе во всѣхъ областяхъ человѣческаго познанія.

Однако при всѣхъ выгодахъ историческаго изслѣдованія оно имѣетъ и свои невыгодныя стороны. Часто оно представляетъ непобѣдимыя трудности въ изученіи предмета по недостатку фактовъ, или по невозможности понять ихъ истинное значеніе и дать имъ надлежащее истолкованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если трудно обнять данный предметъ со всѣхъ сторонъ только въ одинъ какой нибудь моментъ, то несравненно труднѣе прослѣдить его отъ начала до конца, во весь періодъ его существованія. Особенно это слѣдуетъ сказать о такихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, которыя направляются и простираются далеко въ мракъ прошедшаго. Современному человѣку, напримѣръ, трудно разбирать и изучать исторически тѣ факты, на объясненія кото-